

Я НЕ
ЗАЦИКЛИВАЮСЬ НА
ТОМ, ЧТО ДРУГИЕ
ДУМАЮТ ОБО МНЕ –
ЭТО ИХ ПРОБЛЕМЫ.

Я не зацикливаюсь на том, что другие думают обо мне – это их проблемы. Знаю, что есть люди, разъезжающие на мерседесах, но души их – черны, мне не по пути с ними. Мне важно, что думают обо мне жена, дети. С женой мы 17 лет вместе, всякое бывало, как у всех, но мы всё равно вместе. Она здорова, дети тоже здоровы. Дети не знают, что я инфицирован. Уже большие – сыну 15 лет, дочери 7. Не говорил с ними об этом. Трудная тема. А вдруг увидел бы в их глазах страх, что я – монстр... Не знаю, как бы я это пережил. Конечно, поговорю с ними, не хочу, чтобы узнали уже после моей смерти. Подберу подходящий момент и поговорю.

Меня выручает вера. Я не знаю, что будет завтра, но верю, что будут лекарства, вакцина... медицина шагает вперёд. Я верю. ■

ВРОДЕ бы ничего нового я не узнала, прочитав эти рассказы. Вроде бы. Сейчас поясню. У меня есть несколько инфицированных ВИЧ друзей и знакомых, с которыми я поддерживала отношения, часто говорила, много читала об этой болезни, кажется, ещё в советские времена, когда пополняла знания с помощью журнала National Geographic. Уж давно пресса, фильмы, романы или рассказы перестали умалчивать об этом заболевании – кругом достаточно информации, даже так много, что от неё невозможно укрыться, если только не делать этого осознанно. В сущности говоря, мне не страшно ни руку пожать, ни обнять, ни поцеловать (да, даже в губы) своих заболевших друзей; я массировала спину ВИЧ-инфицированным, подстригала им ногти, помогала мыться, ибо знаю однозначно – так не инфицируются! Не говоря уж о таких нелепостях, как боязнь совместного пользования полотенцами и посудой. Гепатитом В, например, можно заразиться намного, намного легче – причем теми же путями, что и ВИЧ, но я не слышала, чтобы кто-то сторонился этих больных.

Но что меня более всего поразило в этих рассказах – это многократно упомянутое, – осознанное или же нет, – невежественное отношение врачей! Волосы дыбом встают, когда читаешь о вытирании рук о полы халата, прощупывании живота в перчатках, уж вовсе не говоря об отвергнутой беременной или об отказе в операции. Да что они, с дуба рухнули, что ли? Теперь я уже и не удивляюсь, что «обычные люди», хоть и несчётное число раз слышавшие или читавшие про ВИЧ, всё равно мандражируют. И так же не удивляюсь, что заболевшие боятся открыться окружающим, если даже самые осведомлённые (в теории) представители общества пребывают в столь густом тумане предрассудков.

«Никто меня не дискриминирует, разве что я сам себя дискриминирую», – открывается в своём рассказе Ель, выразив в кратких словах почти всё то, что сказали остальные. Я сразу же представила себе мысленно, что было бы со мной, будь я больна? Что делала бы? Что говорила бы другим? Говорила бы прямоиком? Или самосохранения ради свернулась бы в кокон и не высовывалась бы наружу?

Разумеется, можно мне попенять за теоретизирование как бы свысока, но я всё же думаю, что говорила бы. И заодно развеивала бы опасения, что заболеть можно всего-навсего от взгляда. Ну кто же другой будет это делать, если не мы сами?

Я рассказывала бы в надежде хоть немного подтопить тот тонкий, но прочный слой льда. Ну хоть себе чтоб полегче... Рассказывала бы, но не укоряла никого, кто молчит – на первых порах, пока общество наше далёко ещё от зрелого понимания. И потому я очень рада, что некоторые в этом проекте решились-таки рассказать. Пусть и анонимно... может быть, именно поэтому все эти истории столь неприкрыто откровенны.

Столь действенны. ■

Даце Рукшане (Dace Rukšāne), литератор

ВОТ ТАК И ЖИВУ –
С НАДЕЖДОЙ
НА ЛУЧШЕЕ С
ОДНОЙ СТОРОНЫ,
БЕЗ НАДЕЖД И
ОЖИДАНИЙ –
С ДРУГОЙ.

Как я живу? Как-то иначе, чем до инфицирования, живу. Часто накатывает печаль, выпиваю литр алкоголя и печаль уходит. Я устал. Кажется, что я уже всё прожил в своей жизни и никому не надобен. Если в такие моменты позвонит или придёт друг, знающий что со мной, кажется, будто это ангел-спаситель снизошёл, чтобы заставить меня остаться тут, в этой жизни. Я одинок, и когда захлёстывает такое ощущение, я иду на тусовки, напиваюсь. Выгляжу внешне хорошо, умею спрятать то, что во мне, внутри.

Иногда хожу по городу, приглядываясь к людям – такие счастливые, парочками, семьями, с детьми. У меня всего этого не будет никогда. О, конечно, я ещё молод, надеюсь, что встречу девушку, которая не испугается, что будут и у меня семья, дети. Но как только представлю себе, что надо будет сказать ей это, становится страшно... не знаю как. Много думаю об этом.

Вот так и живу – с надеждой на лучшее с одной стороны, без надежд и ожиданий – с другой. ■

ВИКТОР

Язык мой – враг мой. Всегда всем рассказываю, не скрываю, что у меня ВИЧ. Некоторые полагают, что ВИЧ – это катастрофа. Я чувствую, что пугаю людей, ощущаю себя эдаким монстром, словно в моих руках зажаты пять ножей и я собираюсь закалывать людей. Недавно батюшке в церкви рассказал, так он так посмотрел на меня... Тяжело осознавать, что люди думают: «Ему терять нечего...» У меня есть семья – жена, двое детей, – они для меня драгоценнее всего.

Сначала все боялись ВИЧ. В 2000-м году сидел в тюрьме, никто со мной не разговаривал, действительно, жить не хотелось. Меня спасли инфицированные ВИЧ «авторитеты», они сломали плохое отношение ко мне, заключённые начали понимать, как можно и как нельзя инфицироваться, перестали бояться пить из одной кружки со мной и прочее. Сейчас проблем с этим в тюрьмах больше нет, знания получше, чем на свободе, но тогда... страшно вспоминать.

Я понимаю, что люди, которых это не касается, которые далеки от этого, – неинформированные, не знают о путях инфицирования, потому и существует дискриминация. Я работал в торговом центре и кто-то узнал, что рубщик мяса – парень с ВИЧ. И пошли разговоры... ну как же так... кошмар... на мясе... там ведь ножи, можно порезаться... Конечно, проверить никто не мог, но та атмосфера... не выдержал, уволился.

Возможно, не надо было, мог притвориться, что это не обо мне. Потому что, когда попытался устроиться в другой торговый центр, меня не взяли, сказали – место занято, хотя я знал, что свободно. Попробовал на мясокомбинат – тоже не взяли, собрали информацию обо мне. Так вот. Семью содержать надо, работал в нескольких кафе. К несчастью, начал болеть – аллергии, ещё всякие напасти. Ну кто же хочет держать на работе человека, который часто болеет? Никто.

Хотел переселиться в Беларусь, у меня там родня, мне там нравится, есть работа, но в строительстве. Не уверен, смог ли бы я работать физически. Узнал, что не смогу оформить санитарную книжку, не смогу работать с продуктами, ну и ладно. Родственники тоже – вроде бы зовут к себе, но чувствую – не очень-то и хотят. И кому ж я такой – с проблемами – надобен?

Другие родственники – в Калининграде – даже не отвечают на мои телефонные звонки. Спросил тамошнего друга, – в чём дело? – а узнали, что у меня ВИЧ. Ну конечно, Калининград – это страшное захолустье, там ничего не знают про ВИЧ, всё ещё думают, что это чума какая-то, по воздуху летает, но всё равно – обидно.

СНАЧАЛА ВСЕ
БОЯЛИСЬ ВИЧ.
В 2000-М ГОДУ
СИДЕЛ В ТЮРЬМЕ,
НИКТО СО МНОЙ НЕ
РАЗГОВАРИВАЛ...

НЕ МОГУ
СМИРИТЬСЯ С
МЫСЛЮ, ЧТО
ИНФИЦИРОВАЛ
КОГО-ТО.

Так что уж лучше не вступать ни с кем ни в какие отношения, ни в плотские, ни в какие, чтобы не надо было лгать.

Друзья мои такие же, как я сам, могу говорить, что у меня ВИЧ. В основном общаюсь с употребляющими наркотики, у меня нет проблем с ними. Есть друг, живёт в Петербурге, единственный из моих друзей, который никогда не пробовал наркотики. А он не знает, что я употребляю, что инфицирован. Сейчас зовёт меня в гости, а ехать боюсь. Видок у меня сейчас не очень — зубов нет и... А если он догадается... Не переживу я этого. Друг — молодец, три года тому назад пострадал в аварии, долго пролежал на койке, но справился: работает, женился, дети есть.

Как я желаю того же: работа, жена, дети! Знаю, не будет так никогда. Даже зубы вряд ли вставлю. Мне кажется, не успею... ■

ЛАКИ

Я хочу, чтобы Ты меня звал «Лаки». Почему? А мне кажется, что все люди в этом мире живут, как в сказке — есть параллельные миры, и в одном из них живу я сам, и могу не прятаться, могу рассказывать что происходит со мной, что я чувствую. В другом мире надо притворяться, что со мной всё в порядке, что я счастлив. Конечно, иногда — счастлив. Но обычно... не знаю. Много чего я бы хотел достичь в жизни, смогу ли? Будут ли у меня жена, дети? Хочу, да!

Вот случается, что о чём-то подумаю и оно сбывается. Знал, что инфицируюсь, что долго так жить, как я жил — не получится. Ошибся в сроке: думал, годам к тридцати, а случилось раньше — в 23 года. Сдал кровь в Центре доноров, позвонил, чтобы узнать результаты анализов и меня попросили приехать, мол, изменения есть в крови. Шок! Сразу поехал в DIA+LOGS, потом в ЛЦИ, думал, ошибка наверное... А потом думал — почему же я... почему же так рано...

Ты спрашиваешь, помню ли я, как это случилось? Думал и об этом: был закат лета, чудная, тёплая августовская ночь, приятный человек рядом... После пробовал ему сказать, чтобы проверился, сделал анализы... Злости на него не держу — сам, только сам виноват.

Сразу рассказал маме и подруге. Шок! Мама хотела знать о всех делах: кружки, туалет и т. п. Когда объяснил всё — успокоилась.

Больнее было с подругой: дружили 2 года, планировали пожениться, детей хотели. Ничего не скрыл от неё, всё, как есть рассказал. Сначала сказала, мол, ничего, но видел я страх в её глазах. Потом сказала, что мы можем остаться друзьями, что не хочет создавать со мной семью, ибо хочет детей и не хочет видеть, как я умру молодым. Объяснял, что не умру так уж скоро, и что дети могут быть, и что не инфицирую её. Нет, ушла она. Не знаю теперь, где она, что делает. Не хочу знать.

О том, что я инфицирован, знают только двое друзей. Другим людям не хочу раскрываться. Не хочу видеть их отречение от меня. Опыт с подругой был слишком болезненным.

Ты спрашиваешь, не могут ли мои друзья проболтаться? Всякое может случиться. Не думаю, что все всю жизнь будут помалкивать — невозможно такую тайну носить в себе долго. Как обычно случается, кто-нибудь на вечеринке шепнёт: а знаешь, ВИЧ ведь у него... И сразу все уставятся... пальцами ткнут в мою сторону... не захотят тусоваться. Ну, это я так себе представляю. Лучше не говорить, нет, не хочу быть отринутым... ещё раз... В жизни можно чего угодно ожидать от любого человека.

СНАЧАЛА СКАЗАЛА,
МОЛ, НИЧЕГО, НО
ВИДЕЛ Я СТРАХ
В ЕЁ ГЛАЗАХ.

УЖ НЕ ЗНАЮ, КАК РАСПРОСТРАНЯЮТСЯ СЛУХИ, ЧТО Я ИНФИЦИРОВАНА. БОЛЬШЕ ВСЕГО ЗА ДЕТЕЙ БОЮСЬ.

отдельную посуду, полотенца, чтобы ни в коем случае не пила со мной из одной кружки. Не понимаю, как вообще могла она раскрыть это другим людям. Дочке сказала – ты больна, ты не сможешь ходить в школу. Ладно, это было всё десять лет тому назад, но ведь и сейчас мало что изменилось. Когда записалась к своей теперешней семейной докторице, та спросила меня, вылечилась ли я уже от ВИЧ? Ну, теперь она уже хоть что-то знает, но всё равно с любыми проблемами отсылает меня в ЛЦИ. Совсем недавно спросила, как там больное дитя? Я ответила, что давным-давно уже с учёта снята, а доктор удивилась – как? не болен?

Уж не знаю, как распространяются слухи, что я инфицирована. Больше всего за детей боюсь. Живу в сравнительно небольшом городе, а в школе дочери кто-то обо мне слух пустил. Дочка заплаканная пришла: почему Илья меня прокажённой называет?.. Сменили школу, в Риге легче затеряться. И пришлось правду рассказать дочери, и без того вопросов много было: почему мы с папой так много лекарств пьём, почему папе так плохо... Дочь всё восприняла спокойно, сказала, что догадывалась. Она молодец у меня, помогает с младшеньким управляться.

И на работе как-то узнали, что я инфицирована, ой, шум какой был – как я могу работать в магазине, тут же люди... Ну что я им сделать могла? Думаете, та работница, что шум подняла, о покупателях волновалась? Уж явно о себе беспокоилась, как бы я из кружки её не попила... Смерть до чего обидно.

Я ездила в Норвегию, как там было легко, люди просто живут себе. Я тоже хотела бы так – просто жить, не таиться, воспитывать детей... ■

КАК Я СЕБЯ ДИСКРИМИНИРУЮ? Я БОЮСЬ. БОЮСЬ СКАЗАТЬ, ЧТО У МЕНЯ ВИЧ.

ЕЛЬ

Никто меня не дискриминирует, разве что я сам себя дискриминирую.

Мне 30 лет и 15 из них я употребляю наркотики, разные. Кажется, я испробовал всё – от сердечных капель до героина. Вообще-то, я не по-настоящему зависимый, скорее – распущенный. Когда работаю, не употребляю, ну, а в выходные дни – разумеется, святое дело. А так: хочу – употребляю, хочу – не употребляю. «Ель» я потому, что так себя чувствую – одинокой елью среди белых берёз; все такие белые, а я один с хвоей и колючий.

Как я себя дискриминирую? Я боюсь. Боюсь сказать, что у меня ВИЧ. Знаю, что я обязан говорить это своим партнёрам по сексу, врачам, друзьям, но не скажу. Секса у меня нет, уж забыл, что это и как это делается. Серьёзно, как представляю, что надо выдумывать причины, почему делаю это с презервативом... ну, в связях на одну ночь – можно, но не хочу так, на одну ночь, хочу по-настоящему...

Лет шесть тому назад был у меня секс с женщиной. В тот раз ничего не сказал, понадеялся, что всё будет в порядке, не инфицирую её, был осторожен, надел презерватив – всё как надо сделал. Два дня спустя набрался наркотиков и сказал, что у меня ВИЧ. Она побледнела, молча повернулась и ушла. Я был в шоке. Это ещё куда ни шло, но она рассказала своим друзьям, и те избили меня. Долго в синяках ходил. Избили не за то, что инфицированный, а за то, что не сказал. Не хочу, чтобы повторилось такое.

А сколько-то лет назад случились у меня плотские отношения с женщиной, которая не хотела с презервативом. Это было в деревне, в России, где о таком «ВИЧ» никто особо и не знает. Я был очень осторожен, очень. Никаких там «садо-мазо», старался не кончать в неё, но повсякому случалось. И родила она сына, умопомрачительно похожего на меня, скорее всего мой и есть. В России ведь тоже беременных на ВИЧ проверяют?! Леденящий страх, что я мог инфицировать её. Никогда я ей не скажу, что у меня ВИЧ, никогда! Она замужем, если муж узнает – убьёт меня сразу.

Вообще-то, жить вот так очень трудно, нестерпимо: скрываться, притворяться... Почему я не могу, как другие: ну есть, и что ж с этого?

А сейчас за маму боюсь. Ей экспресс-тест на гепатит С выдал положительный результат. Хотя знаю, что она, будучи медиком, могла в больнице инфицироваться, всё равно страшно, что это я её... Всё время в голове гудит: виновен, виновен, виновен. Не могу смириться с мыслью, что инфицировал кого-то.

НЕ ВАЖНО ЧТО
У МЕНЯ БОЛИТ –
НОГА, ГОРЛО –
ОТВЕТ ЕДИН: ЭТО
У ТЕБЯ ОТ ВИЧ...

меня могут инфицировать, каждый думает о себе, я тоже. Если надеваю презерватив, то могу не говорить, что я инфицирован, и не сердился бы, если бы и мне этого не сказали. Каждый отвечает за себя.

Со здоровьем у меня не очень хорошо, приходится часто ходить к врачам. Иной раз бывает удивительно, как мало сами врачи знают про ВИЧ. Не важно что у меня болит – нога, горло – ответ один: это у тебя от ВИЧ, ну что ж ты хочешь, у тебя ведь СПИД, езжай в ЛЦИ, там тебе всё объяснят и всё вылечат. Почему мне с больным горлом надо ехать в ЛЦИ?! Одна врачиха, пожилая уже, прочитав мой диагноз, отъехала от меня со всем стулом как могла подальше, потом неприметно натянула перчатки, чтобы пощупать мой живот. Смешно было.

По состоянию здоровья я часто чувствую себя плохо, не могу сконцентрироваться, часто то да сё забываю. И хочу рассказать о своём самочувствии, чтобы скидки какие-нибудь получить, но надо сказать диагноз. Этого не хочу. И скидки ведь не дали бы, скорее всего.

И конечно, я знаю, что ВИЧ мешает мне жить не потому, что он в моей крови, а потому, что ВИЧ – в моей голове. ■

АЛЁНА

У меня четверо детей. Старшие дети уже выросли, я – бабушка. А младших детей мне надо успеть вырастить. Больше всего боюсь, что не успею...

Младшенькому всего три года, все называют его директором, а я очень хочу, чтобы ему повезло в жизни, чтобы он действительно стал директором...

С ним целый кошмар был, пока меня взяли на учёт по беременности. Зачала я его в 43 года, пошла в ЛЦИ, говорю, беременная я вроде, на меня накричали – какая ещё беременность, климакс и всё. Однако на сонографию послали. Когда я услышала сердцебиение своего ребёнка, тут же поняла, что не откажусь от него. Я думаю, что дети – от Бога, не мы их выбираем, а они выбирают нас.

Пошла сразу к гинекологу на учёт становиться, а там снова: знаю ли я, что ребёнок родится больным, и у самой, и у мужа здоровье никакое, и как я его вырастить собираюсь – наверное уж, сказать хотела, что помру я скоро. Смотрела на меня с таким отвращением, ой, лучше б уж молчала... Не возьмёт, сказала, на учёт, пока не привезу разрешение от инфекциониста. Снова я в ЛЦИ поехала, там удивлялись – ну какое ещё разрешение, но какую-то справку написали всё же. Привезла гинекологу, та снова кривится: не возьму на учёт без генетического теста. Там в очереди надо ждать месяц, а у меня уже последняя неделя осталась, чтобы вовремя встать на учёт и получать пособие. Измучилась я, устала до чёртиков, никто меня видеть не хочет, все от меня отделяются...

Так вот и пришла в DIA+LOGS, как сейчас помню, под вечер пятницы, сказала, что всё, в понедельник срок постановки на учёт истекает, пособия не получу, чем и как буду жить – не знаю. Сотрудник организации позвонила в Инспекцию здоровья, и всё сделали за пару часов. В тот же вечер я встала на учёт у другого гинеколога, которая меня дождалась уже не в рабочее время, успокоила, сказала, что всё будет хорошо. Я плакала в её кабинете.

Мне было назначено кесарево сечение, но роды начались раньше, родила сама. В больнице лежала в палате с двумя кроватями одна. Спросила, почему никого ко мне не кладут, ответили: к вам никого класть нельзя, диагноз у вас такой. Очень это обидело, ну неужто я настолько опасна, что ж я утворить там могла, плевать кровью, что ли? Как в больнице могут элементарных истин не знать?

Невежество врачей поражает! Когда семейная врачиха узнала мой диагноз, то побежала к моей матери и велела, чтобы она мне выдала

СПРОСИЛА, ПОЧЕМУ
НИКОГО КО МНЕ НЕ
КЛАДУТ, ОТВЕТИЛИ:
К ВАМ НИКОГО
КЛАСТЬ НЕЛЬЗЯ...

О СВОЕЙ ИНФЕКЦИИ
Я НЕ РАССКАЗЫВАЮ
ВСЕМ. ТЕМ, КОТОРЫЕ
НЕ ВАЖНЫ ДЛЯ
МЕНЯ, ЗНАТЬ НЕ
ОБЯЗАТЕЛЬНО.

мне казалось, что жизнь – это нечто вроде белого шлейфа от самолёта в небе, бесследно тающего в просторах, то сейчас я понимаю, что жизнь – это отрезок, с началом и концом. Это такое неопишное ощущение – осознание того, что жизнь не бесконечна.

Я слышала, что люди, узнав диагноз, начинали правильно питаться и вести здоровую жизнь. Если бы я знала, что могу исцелиться, я бы бегала пять километров по утрам и ела бы, если надо, только рис. Но ведь это ничего не меняет, если инфицирована.

У меня нет детей. Сейчас об этом помышляю. Даже не допускаю мысли, что ребёнок родится инфицированным. Будет здоровым. Думаю о том, как ему сказать, когда подрастёт, что я инфицирована. Не представляю, как это сделать, придётся найти специалиста.

На моих плечах всё время лежит некий груз. Когда сдаю анализы и потом жду результаты, две недели я ношу этот груз. Потом врач говорит, что всё хорошо, и сразу так легко становится, хочется поцеловать её. Я не волнуюсь о том, что надо будет принимать лекарства и как это будет. Знаю, что забеременею и тогда всё равно надо будет принимать лекарства. Это меня не страшит.

Мой семейный врач не верит в ВИЧ. Поэтому мне с ней легко – раз уж она не верит, так пусть у меня ничего и нет.

О своей инфекции я не рассказываю всем. Тем, которые не важны для меня, знать не обязательно. На работе знает только один человек. Я слышала рассуждения, что всех инфицированных надо держать за забором и не разрешать приближаться к нормальным людям. Я не встревала. Я не воспринимала это лично в свой адрес. Я не отношу себя к тому контингенту людей, которые всё же не самые хорошие люди. Я знаю, как я инфицировалась, я никогда не употребляла наркотики. Отношение к наркоманам плохое, но ко мне – нет.

Конечно, если бы я вышла на улицы с плакатом «У меня ВИЧ», меня, наверное, закидали бы помидорами. Но это ясное дело – люди боятся того, чего не понимают. Думают, что это смертельная, заразная болезнь, что нам надлежит жить в специальных центрах и не показываться наружу. Но так оно есть со всем, чего люди не понимают. Прежде чем начать преследовать кого-то, надо бы вспомнить о Фредди Меркьюри – он и поныне икона, его песни слушают.

Инфицированным ВИЧ следовало бы задуматься о том, как они уйдут – с кем будут вместе, что за место это будет. Знаю, что не получится уйти легко и красиво, поэтому важно, чтобы был кто-то, кому можно довериться. У меня есть сельский дом, муж, будут дети, я не волнуюсь из-за этого. ■

ВАЛДИС

Я не ощущаю никакой дискриминации, потому что не рассказываю всем направо и налево, что у меня ВИЧ. Так я сохраняю свою безопасность. Я не чувствую себя в безопасности, безопасно мне только с несколькими людьми и в нескольких местах. Отчего так? Я полагаю, что в обществе существуют допущения, стандарты, рамки, и если ты не соответствуешь им, то ты – иной, тебя отвергают, меняется отношение, ты – человек, которого надо бояться, чьи поступки непредсказуемы. Что я могу им сделать? Ничего, разумеется.

С того дня, как узнал свой диагноз, я стал более ответственным. Я понял, что жизнь – дело серьёзное, что нельзя по принципу «лишь бы себе хорошо». До того мне всё было побоку, главным было получить удовлетворение. Я думаю, что любое действие вызывает последствия, которые после бумерангом возвращаются ко мне. Поэтому я инфицировался. Это наказание за моё отношение, мои поступки.

Со своей ВИЧ-инфекцией я поэкспериментировал: говорил кому-нибудь и ждал реакции. У меня есть знакомые – умные, образованные, интеллигентные люди, следящие за всякими новостями в медицине. Сказал им, что инфицирован. Вроде бы, ничего не произошло, однако, когда хочу поздороваться за руку, они эдак неприметно уклоняются, не хотят мне руку пожимать. Заметил разные мелочи в их отношении ко мне. Обижает! Не хочу больше встречаться с ними. И с родственниками тоже чувствуется отчуждённость, не хотят со мной встречаться, избегают, и конечно же – я тоже избегаю контактов с ними, не хочу быть иным, не хочу таких ощущений.

Как только сказал о своём диагнозе семье, все сразу разнесли свои полотенца по комнатам. В ванной комнате остались только мои полотенца – отлично!.. по крайней мере, порядок. Посуда у меня тоже своя – мне это нравится, никто не пользуется моими вещами.

У меня сейчас нет отношений. Возник барьер по отношению к сексу. Не могу вступить в отношения с противоположным полом. Мешает не только ВИЧ, но и то, что со здоровьем нехорошо и социальная ситуация печальная. Нет денег, чтобы пригласить кого-то на свидание. Боюсь испортить отношение к себе, если скажу, что у меня ВИЧ. Отношение испортится и если я скажу, что работаю дворником. Не могу я сейчас вступать в отношения, и не хочу. Даже сексуальные сны больше не видятся. Может быть, старею?

Когда я сказал, что стал более ответственным, это означает, что я и к себе отношусь более ответственно. Если случится секс, то думаю, что ведь и

С ТОГО ДНЯ, КАК
УЗНАЛ СВОЙ
ДИАГНОЗ, Я
СТАЛ БОЛЕЕ
ОТВЕТСТВЕННЫМ.

...СЕСТРИЧКА ЕМУ
ШЕПЧЕТ: У НЕГО
ВИЧ, НАДЕНЬТЕ
ПЕРЧАТКИ.

Врач, который мне руку зашивал, не натянул перчаток. Слышу, сестричка ему шепчет: у него ВИЧ, наденьте перчатки. Раз шепнула, второй... Тут доктор и ответил, что если суждено инфицироваться, то так и случится. А если не суждено, то и не... Посмеялись вместе с доктором, это казалось так по-человечески.

Как-то лежал в ЛЦИ в одной палате с парнем, у него был гепатит С, а я сказал, что у меня ВИЧ. Тот сразу побежал к сестричке жаловаться, что не будет в одной палате с таким лежать... А сестричка сказала: у нас тут все такие!

И на базаре люди всякие встречаются. Иногда захожу на рынок и говорю – помогите ВИЧ-инфицированным... кто-то сразу говорит – уматывай!.. а другие полную сетку картошки насыпят, и покормят. По-всякому...

Я сам считаю, что получил то, что заслужил. Нечего лезть куда не надо. Что я этим хочу сказать? То, что ВИЧ получил от женщины, во время секса. Была такая одна – пока муж на работе, развлекалась со всеми поочередно, от неё и схватил. Глупее всего то, что все вокруг знали, что она с ВИЧём, а я один, дурак, не знал! Ох, как я был зол! Получил бы ВИЧ через шприц, ничего не сказал бы, этим сам бы себе приговор подписал. Но так...

Сейчас я на лекарствах, ох и плетёт от них... сочиняю стишки, по одному на день. Все смеются – скоро книжку издашь. А что, может быть, и издам, другие могут, а я нет?

Заправляюсь Комбивиром,

Догоняюсь Стокрином,

Как ни утро – Бисептол,

Чудо-смесь себе нашёл. ■

А КОГДА УЖЕ
ПОПАЛА В ЛЦИ,
ВРАЧ МЕНЯ
УСПОКОИЛА,
НЕ ПОЗВОЛИЛА
ЗАПАНИКОВАТЬ.

ТЕРЕЗА

Мне повезло – я живу нормальной жизнью тридцатилетней женщины. Знаю, что есть люди, которым не так повезло, но ко мне это не относится.

Никто из родственников, друзей не отказался от меня. Я замужем. Муж никогда не пьёт из одной кружки со мной, но я это воспринимаю с юмором, несерьёзно это.

Знаю, что другие люди не ходят в бассейн, если знают, что там были инфицированные ВИЧ; это иррациональные страхи, я на такое не в обиде.

Я дружила с парнем, употреблявшим наркотики, знала, что он инфицирован ВИЧ. Секс всегда был с презервативом. Однажды он пришёл домой избитый, весь в крови. В тот миг я не думала о себе, была в шоке от того, что любимый человек избит, ни о чём не думала. А о том, что сама инфицирована, узнала случайно. Меняла работу, нужна была справка о состоянии здоровья, тогда-то мне и сказали.

Не сразу хотели говорить, думали, в обморок упаду или как ещё. В тот момент ни о чём не думала, сидела с натянутой улыбкой. Из-за работы не было особенно времени об этом думать, только постоянно внушала себе, что нельзя паниковать и сдаваться. Будущее страшило, волновалась, будут ли у меня семья, дети, казалось, что до конца жизни останусь одна. Смерти не боялась, смерть – слишком отвлечённое понятие, это совсем не то, что первым приходит на ум. А когда уже попала в ЛЦИ, врач меня успокоила, не позволила запаниковать.

Когда познакомилась со своим будущим мужем, мы три раза встретились, предохранялись, потом он на два месяца уехал. А как вернулся, я сказала ему, что инфицирована ВИЧ. Было очень трудно, возраст 32 года, и так шансы невелики, так ещё и сказать такое... В одно мгновение решалось всё – он мог либо уйти, либо остаться. Он остался, выпил два стакана водки и сказал, что «вот почему с хорошими людьми случаются плохие вещи...» Попросил рассказать, что это и как влияет на жизнь. Объяснила как по учебнику. Ведь я и сама не могу знать, как это повлияет на мою жизнь. Не знаю, как долго проживу, какие будут медицинские осложнения.

Сказала, что он может выбирать – идти или остаться. Всегда надо задумываться о том, как было бы, если ты человека любишь, а он тебе что-то такое скажет. Мы же не покидаем людей из-за диабета или гриппа. Я покинула парня, от которого инфицировалась, не потому, что у него ВИЧ, а потому, что он наркоман.

ВИЧ-инфекция никаких радикальных изменений не внесла в мою жизнь. Не случилось никакого перелома, я не стала интересоваться какими-то там вечными ценностями или ещё чем подобным. Единственное, если до того

РЕШИЛИ, ЧТО
ХОТИМ РЕБЁНКА.
БОЯЛИСЬ, РОДИТСЯ
ЛИ ЗДОРОВЫМ...

Знаю, что могу инфицироваться в любовных утехх. Но случается иногда секс по несколько раз за день, не всегда презерватив под рукой. Знаю, что рисковую, но в такие мгновения отключается разум, не способна подумать об этом.

Решили, что хотим ребёнка. Боялись, родится ли здоровым, но в том, что сделаем это естественным образом – не сомневались. Какая уж там очистка спермы, если и так, время от времени, бывал секс без презерватива. Спасибо моей докторице, очень она воодушевила. Во время беременности боялась, что придётся какому-нибудь специалисту сказать, что мой муж ВИЧ-инфицированный, ещё будут смотреть на меня, как на наркоманку какую-нибудь или проститутку. Никому ничего не говорила. Ребёнок здоров. И я тоже.

Думаю о том, что когда-нибудь придётся сказать сыну, что у папы такая болезнь, но с другой стороны – зачем? Ещё думаю, что настанет время мужу принимать лекарства, может, в больнице лежать, и тогда сын всё равно спросит, а почему папа лежит в таком отделении? Муж смеётся надо мной: чего я только не понапридумывала себе; когда придёт время сказать, тогда и решим – как. Мне кажется, я гораздо больше, чем он, озабочена этим.

Ещё я думаю, что могу инфицироваться, умру быстро и кто ж тогда воспитает моего ребёнка... Каждый раз, идя на анализ, я дрожу от страха... И каждый раз, получив отрицательный результат, даю себе зарок: никогда, ну никогда впредь ни разу секса без презерватива... ■

ДМИТРИЙ

Я не скрываю, что инфицирован. Всем показываю свою справку: ВИЧ-инфекция, стадия С3. Как люди откликаются на это? По-разному. Некоторые бледнеют, глаза как лукошко, а другие спрашивают, могут или не могут инфицироваться. Так и спрашивают: говорю с тобой, стою близёхонько, ВИЧ не словлю? **Некоторые** никогда не пьют пиво из одной бутылки со мной. Я смеюсь. Дураки они. А другие фыркают – гнушаются, значит.

Я прекрасно знаю своё место, что могу себе позволить, а чего не могу. Ко мне относятся, как к «левому». Кто есть «левый»? Ну как объяснить? Есть пределы, которые нельзя переступать, я их соблюдаю.

У моего дома торгуют легалайзом, приезжает полиция, все легалайзщики, разумеется, исчезают, остаюсь я, показываю свою цидулку и говорю: ну, шмонайте, шмонайте меня, вперёд! Они как взглянут на справку, так сразу обыскивание и заканчивается, говорят, уноси, мол, отсюда свой огузок. Государственные полицейские, однако, всегда вежливы – не бьют, не ругают, учтиво просят меня уйти.

Охранник в Ориго велит мне покупать продукты, до которых я дотронулся руками, хоть и упакованные. Говорит: вали отсюда, распространяешь тут свои заразы!

Я ему стишком отвечаю:

Человек, цепляй-ка ВИЧ,

Станет другом тебе бич!

Я даже писал жалобы о том, что меня не пускают в транспорт. Показываю шофёру инвалидку, а он спрашивает, где я её купил. Я отвечаю, что и он может такую заиметь, если со мной подерётся.

Пришлось тут нести новой социальной работнице справку о том, что я ВИЧ-инфицированный, получающий лекарства, от которых становлюсь странным, а то она мне постоянно пеняла, что я под кайфом и – как там то слово было? – а! – неадекватный. Даже прочла инструкцию к лекарству, только потом успокоилась.

Мне смешно, что люди не понимают, что есть что. Я говорю, что они тоже могут инфицироваться, получить справку, мол, неадекватны, и делать, что на ум взбредёт.

Врачи тоже всякие. В Гайльззерсе мне отказали в операции. Прочли в направлении, что у меня ВИЧ, и внятно заявили: найди себе другого хирурга, у себя оперировать не будем. А семейная врачиха сказала: ладно, я тебя возьму к себе, если надо будет направления – выпишу, но только обещаю тебе, что со всеми своими проблемами будешь ходить в ЛЦИ. Ну что мне с того, так и поступаю.

Я ПРЕКРАСНО
ЗНАЮ СВОЁ МЕСТО,
ЧТО МОГУ СЕБЕ
ПОЗВОЛИТЬ, А
ЧЕГО НЕ МОГУ.

ИНОЙ РАЗ
УДИВЛЯЮСЬ
ЛЮДЯМ, КОТОРЫЕ
САМИ СОЗДАЮТ
РИСКОВАННЫЕ
СИТУАЦИИ...

здравоохранения, но никто не присоединяется и не поддерживает. Недавно написал письмо, отослал в восемь организаций, согласились подписать только четыре.

ВИЧ изменил мою жизнь. Я стал болеть и, раз уж хотел остаться в живых, то пришлось меняться. Притормозил с употреблением разных подчиняющих себе веществ. Захотелось доказать, что ещё не пропащий я, не конченный. Прошло четыре с половиной года с тех пор, как я в последний раз упился вусмерть, и четыре с половиной месяца с момента, как я ни разу не принял на душу ежедневные 50 граммов джина. Это — благодаря диабету. Сейчас намериваюсь бросить курить. Каждый серьёзный диагноз изменяет жизнь. Изредка в плохую сторону, чаще — в хорошую. Люди, к примеру, начинают завтракать, чтобы выпить утренние лекарства, потому что их надо — после еды.

Иной раз удивляюсь людям, которые сами создают рискованные ситуации, не задумываясь о последствиях. Например, дискордантные пары, в которых один инфицирован, а второй нет, совокупляются без презерватива. При этом каждые три месяца тестируются. Годами ничего не происходит, но вдруг — бац! — есть ВИЧ! То, что сегодня всё в порядке, не означает, что так оно будет и завтра. Такое доверие к персту судьбы непонятно мне.

Но мы и сами виноваты в таком отношении, ибо годами говорили, что в ВИЧ нет ничего трагичного, что есть лекарства и можно прожить долгую жизнь. Люди стали беспечными. Зачем поступать безрассудно, если и так ни одна из радостей жизни не запрещена инфицированному ВИЧ, надо только разумно пользоваться ими?

Нельзя допускать задних мыслей. Если нет планов на серьёзные отношения, а всего лишь на близость на одну ночь, то можно и не сказать о своей ВИЧ-инфекции (тогда радости жизни могут пройти стороной). Надо сделать всё, чтобы не инфицировать другого, но можно не сказать. Так я мыслю.

ВИЧ-инфицированные часто ищут второго такого же, чтобы создать пару, но не получается почему-то. Не знаю отчего, но по-моему опыту — чаще неинфицированного находят. И живут вместе. Тогда уж надо сказать, ибо тот заметит, что не всё в порядке, и спросит — что с тобой? Тогда и сказать, да, плохо мне, и выговориться. У меня с этим проблем нет, говорю сразу — я наркоман, пьяница, ВИЧ-инфицированный. Затем, что, — отрицая, — напьюсь немедленно, надо же это спрыснуть...

Я не хочу умереть от СПИДа, не хочу проживать это классическое умирание — долгие месяцы слабнуть и истлевать. Нет, не хочу. Хочу умереть во сне. Если человек чего-то страстно желает, он ведь получает это, не так ли? ■

АННА

Я не инфицирована ВИЧ. Мой муж — да. У нас есть ребёнок.

Когда познакомились, я влюбилась в него, разумеется. Было всё очень красиво — лунные ночи, закаты на берегу моря, шампанское, розы — романтический фильм про любовь. И в кусты не сразу утащил. Я ещё думала: вот какой, не то, что другие.

Он был очень честен и сказал, что инфицирован до секса, сказал, что очень любит меня и не хочет заразить, наденет презерватив и всё будет хорошо.

Я даже не могу описать, что я чувствовала в тот миг — как?.. почему он? — такой славный, красивый, заботливый, умный... Оцепенение нашло, недоверие. Думала, что ВИЧ-инфицированные — наркоманы или геи, что их безошибочно можно узнать по внешнему виду, что никогда в своей жизни не столкнусь ни с одним из них. И вот...

А я его очень любила и мне было не важно, что он инфицирован. Мы поженились. Сначала мне казалось, что я должна усиленно заботиться о нём. Стоило ему чихнуть и уже казалось: вот, СПИД начинается, туберкулёз, всякие там оппортунистические заболевания. Начиталась много чего в интернете, а в то время информация была, что с ВИЧ человек живёт в среднем лет пять, что жизнь ужасна — насморк переходит в другие страшные болезни, ну и в том же духе. Его это злило, и однажды он прямо сказал, не могла бы я относиться к нему, как к нормальному человеку?

Это мне резануло ухо, даже обиделась было: ну как так, я же только добра... от всего сердца... а он! Потом задумалась: а ведь и вправду, он такой же, как все, чего я тут усердствую...

Мучило меня любопытство, как он инфицировался? Спросить стеснялась, а вдруг обидится? Ой, какая дура была, понапридумывала всякого. В конце концов, спросила без обиняков и ответ получила — да, употреблял амфетамин, недолго, сейчас не употребляет... У меня тогда ощущение было, что он мог бы и продолжить фразу: «Ну что, легче стало?»

Вместе с нами мама моя живёт. Надо было решать, скажем ей или нет. Очень долго думали. Уже были женаты, когда муж сильно порезал руку. Кровь рекой текла, мне от вида крови дурно становится, я потихоньку отключилась, а моя мать, конечно, примчалась с бинтами, помочь хотела, а муж наорал на неё, чтоб не лезла, мама обиделась... Тогда и решили, что сказать надо. Я рассказала что и как, был крик, мать так и сказала: «Ты что, нормального мужчину найти не могла?!» А я ей в ответ — это моя жизнь, не лезь в неё. Где-то с год не разговаривали. Сейчас ничего, свыклась уже.

А Я ЕГО ОЧЕНЬ
ЛЮБИЛА И
МНЕ БЫЛО НЕ
ВАЖНО, ЧТО ОН
ИНФИЦИРОВАН.

БЫЛО ТАК ЖУТКО,
ЧТО ОТ СТРАХА ДАЖЕ
ДУМАТЬ НЕ МОГЛА ОБ
ЭТОМ. СТОИЛО ТОЛЬКО
ПОМЫСЛИТЬ, ЧТО У
МЕНЯ ВИЧ, КАК ВНУТРИ
ВСЁ ВЗДРАГИВАЛО...

ЗЕЛМА

Говорят, что молодость — это недостаток, который быстро проходит.

Я жила быстро, интересно и, временами, — безответственно. Богема, переживания по поводу и без, наркотики. За этим последовало падение в бездну: из потребителя наркотиков стала торговцем, и неминуемо, как зима наступает после лета, меня арестовали и осудили.

Быть может, именно это спасло мной же списанную в расход жизнь, ибо в тюрьме выяснилось, что я ВИЧ-позитивна. В тот момент это не вызвало никаких особых эмоций или телесных ощущений, потому что надо было бороться с последствиями наркозависимости. Меня лечили, лекарства действовали хорошо, всё было в порядке. Выйдя на свободу, я ещё какое-то время собранно принимала лекарства, а потом сработало обычное «кривая вывезет» — раз уж самочувствие хорошее, то всё ОК, на анализы ходить не хотела, сама мысль, что могу быть нездоровой, мне не нравилась.

Хоть предупреждали меня о рисках, я, как и многие другие «обладатели» роковых диагнозов, избрала для себя пренебрежение всем, что противоречило сиюминутным ощущениям. Сейчас могу сказать, что это была «страусиная политика» — голову в песок, меня не касается. Почему? Было так жутко, что от страха даже думать не могла об этом. Стоило только помыслить, что у меня ВИЧ, как внутри всё вздрагивало, и я отключила эти раздумья. Наивно надеялась, что он сам собой исчезнет. Так и жила.

Иногда пользовалась наркотики, по крайней мере, они помогали мне заснуть. Жизнь как-то наладилась и удалось уговорить себя, что всё позади, всё закончилось, но прошлое, как правило, настаивает... Под гору очень резко пошло: расстройство зрения, координации движений; сначала и мне, и друзьям, даже врачам, казалось — инсульт. Я никому не говорила, что у меня ВИЧ. Я не знала ни одного ВИЧ-инфицированного. Порой задумывалась, что может быть и есть у кого-то из знакомых ВИЧ, но о себе не рассказывала никому. Скрывала. И от себя самой тоже скрывала.

Быстро соскользнула в небытие: нарушение восприятия, частичный паралич, слепота — это всё произошло уже без моего участия. Излишне говорить, что в Центр инфектологии меня внесли на руках. Диагноз — СПИД в последней стадии. Благодаря оперативности врачей и их хорошему знанию своего дела, спустя три месяца пребывания в сумеречной зоне я вернулась в жизнь.

Моё состояние стабильно и даёт надежду, однако время ограничено. Надо делать всё возможное, чтобы жить, вцепиться в жизнь — мне так много надо успеть: освоить сызнова компьютер, телефон, я не помню, как обращаться с ними. В голове готова идея, как поступать в дальнейшем. Умирание в эти планы не входит. И наркотики не помогут мне... ■

МЕЛОЧИ ВСЕГДА
ПРИМЕЧАЮ,
КАК ЖЕ ИНАЧЕ.
НАПРИМЕР, ВРАЧ
ПОЗДОРОВАЕТСЯ
С ТОБОЙ И ИДЁТ
РУКИ МЫТЬ.

АЛЕКСАНДР

Я не сталкивался с дискриминацией, ни от врачей, ни от соседей. Случаются мелочи, но я называю их самопроизвольной реакцией человека на то, что для него — жупел.

Встречается и другая реакция, не спонтанная, но осознанная, но та проявляется редко.

Мелочи всегда замечаю, как же иначе. Например, врач поздоровается с тобой и идёт руки мыть. Вероятно, он поступает так всегда. Встретились как-то в коридоре, он сам подал руку, поздоровались, а потом я оглянулся и увидел, как он трёт руки о брючишки, словно очищает. Это вполне может быть привычкой, однако, ВИЧ-инфицированные такие вещи воспринимают обострённо. Или поцелует кто в щёку, а потом протирает губы. Если это кто-то из центра, в котором живу, то потом прибегает на следующий день и спрашивает: ой, у тебя же ВИЧ, а я тебя поцеловала, надо ли мне идти проверяться? Мне смешно, это меня не задевает. Какое-то время в центре были моющие средства, на бутылках которых большими буквами писали «против ВИЧ». Я смеялся: если выпить эту бутылку до дна, может быть, ВИЧ пропадёт.

Если мне нужны медицинские справки, врачи всегда спрашивают, надо ли вписывать ВИЧ, и если я не хотел бы, то и не писали бы, но я всегда говорю — пишите.

Мне кажется, что ВИЧ — это штемпель, которым инфицированные сами себя гасят. И ещё они тоже придумывают себе разные жупелы: «если скажу кому, сразу избыют, разнесут окна вдребезги». Ну не разгромят...

И до сих пор инфицированных делят на группы — наркоманы, геи, проститутки. В этом корень всех несчастий. Делить на группы могут статистики, исследуя пути передачи ВИЧ, но печатать этого не надо бы. Не важно, как человек получил ВИЧ и кто этот человек, а важно, что он — человек, живущий с ВИЧ. Это группирование превращается в стигму — ты наркоман.

Но нам самим не надо бы уж делиться, самим надо бы понять, что деление на группы не даёт ничего, только заштемпелёвывает ещё гуще. А ведь все пациенты делятся на группы. Больные гепатитом С говорят: «Вам всё задарма, вы — наркоманы и геи. А мы платим за всё, хотя и порядочные люди». Вообще-то, я думаю, что это не дискриминация, это — недоброжелательство.

С неправительственными организациями ВИЧ-инфицированных не очень-то и хотят сотрудничать. Мы зовём на пикеты, просим подписать какое-нибудь письмо — не только по ВИЧ, но и по вопросам общего

ВЧЕРА я встретила с пареньком, который родился уже инфицированным. Ему 15 лет, но выглядит всего на восемь. Воспитатель паренька заявил, что не может находиться рядом с ним, ибо чувствует себя под угрозой. Я смотрела на них обоих, – маленького, незащищённого ребёнка, который сам себя боится, который не знает, как долго проживёт и где нынче переночует, и большого, сильного, уверенного мужчину, – и думала: кто для кого угроза? Тот, у кого вирус, кто переживает, что к расшибленной на спортплощадке коленке прикоснётся кто-нибудь и инфицируется, или же тот, кто знать ничего не хочет об инфицированных людях, не хочет впустить в свой мир ядовитого, – по его понятию, – заразного, уж не знаю ещё какого?

Я думаю, что ВИЧ – это рассказ не про инфекцию или болезнь, но повесть о наших ценностях. Повесть о том, что все люди равны, о том, что истинная любовь не фильтрует и не сортирует, о том, что диагноз не делает человека хуже, о том, что улыбка или протянутый лат способны придать кому-то силы жить дальше; повесть о нас самих – какие мы, насколько мы участливы, восприимчивы. Или нам кажется, что те, что родились инфицированными, лучше того, кто стал таковым в течение жизни?

Мы все равны – лучшие и худшие, красивые и неприглядные, умные и глуповатые. Все – дети одной земли. ■

Агита, просто записала рассказы.

Спасибо, что доверились мне!